

У Бориса Фабриканта есть одна симпатичная черта, которая выделяет его среди других поэтов русской эмиграции: он не индивидуалист. Лирическое «я» звучит у него не одиноким инструментом, а в ладу с хором других голосов. Общее для всех людей поэту порой ближе, нежели частное, пусть даже очень личное. Его стихи – оркестр, где автор, солируя, чутко прислушивается к каждому звучащему инструменту. Так слышать мир, так позиционировать себя по отношению к другим людям – Божий дар. Фабрикант демократичен и позитивен. Люди у него – не чернь, не социум, а личности, связанные общей участью. Ощущение соборности всех людей перед лицом смерти возникает во многих стихотворениях Бориса.

Вместе с тем, Фабрикант много и подробно рассказывает о себе. Например, о том, как радостно было болеть в школьные годы, какой ласковой была родная мама. Постоянное переключение лирического «я» на лирическое «мы» – характерная черта произведений поэта. Его стихи – это взгляд откуда-то сверху, из будущего. Жизнь как кинолента, которую можно отмотать в любую сторону. «Мы все одинаково молоды, / И всё, что мы помним, так схоже, / И вся наша жизнь – как по городу / Идущий весёлый прохожий».

Поэт говорит о динамике постижения мира – от детства до зрелости. Что-то мы приобретаем с опытом, а что-то, наоборот, теряем. Расшифрованные значения тайных для ребёнка понятий дезавуируют магию священного незнания, характерную для «бессознательного» возраста: «В процессе подрастания, пока / важнее хмель, чем вкус, легки прицелы, / глаз не поймёт про взгляд издалека, / желания сильны и чувства целы. / Мальчишеский не разберёт задор – / количество ценней, чем пониманье. / И где-то впереди такой простор, / что путь к нему не требует вниманья. / Пока приходит всё само собой, / реестр возрастной переполняя, / мы скачем в парке детскою гурьбой, / не зная слов «люблю, тебя, родная». / Но нам потом покажут их в кино, / и мы привыкнем к этому размену, / когда – люблю – за слово за одно / приносят жизнь, не называя цену». И опять мы всюду видим у поэта общность: детского мира, поколений, понимания сути вещей. «Мы», «нам», «нас», «с нами». «Мы» откровенно и безоглядно доминирует в

его лирике.

Борис Фабрикант использует в своих стихах самые обычные слова, «затёртые до дыр» предыдущими поколениями. Помните, у Давида Самойлова: «Люблю обычные слова, как неизведанные страны...». Простые слова, простые рифмы, естественность поэтической речи. Это ретро-взгляд на мир, и лексика у поэта соответствующая. Правда, и просторечных выражений автор тоже не чурается. Он может зарифмовать кровь-любовь и нисколько не смутиться, не испугаться критики. Это не мешает глубине и разнообразию впечатлений. Львов, Москва, Борнмут (Англия), привечавшие поэта на разных этапах духовного становления – одинаково ему дороги. Может быть, Львов чуть больше – как исток личности. Лирика Бориса построена на акварельности, полутонах, световом импрессионизме. Поэт часто использует контраст как яркое художественное средство. Из мажора – в минор, из радости – к потерям. Эмиграция тоже даёт другую точку зрения, возможность посмотреть на себя со стороны. Может, это и есть тот самый «взгляд сверху», о котором я говорил выше.

Поэтическая речь Фабриканта богата словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами: окошко, монетки, песенка, дождик. Это создаёт впечатление лирического настроения, и, в конечном итоге, счастья. Скромность у лирического героя Бориса носит и «космический» характер, ведь человек, в сущности, песчинка мироздания. «Мне Богу диктовать не по плечу», – говорит поэт. И удивляется людям, которые живут так, как будто у них несколько жизней: «И всюду люди в городах и весях / Сидят в домах, валяются в траве. / И жизнь, и смерть у них в таком замесе, / Как будто смерти две и жизни две. / Уже не заповедник, а застенок. / В окне – документальное кино. / Все заповеди – как портрет для денег, / Забили на все десять заодно. / Кто жизнь подвесил, строит вертикали – / Колосья, ливень, горы, человек. / Пока земли касаются сандалии, / Не верь, не верь, что ты умрёшь навек».

«Золотая забота, как времени бремя избыть», – говорил Мандельштам. Эта тема звучит и у Бориса Фабриканта: «Взять карту, жизнь на счёт перевести / И тратить понемногу, то и это. / Пить алкоголь не раньше десяти, / Не упускать заката и рассвета. / Не выбирать, метая на пустяк. / Не дешевить, давая чаевые. / И даже, если что-нибудь не так, / Мы все живые, мы всегда живые. / И если кто-то со счетов сойдёт, / Растрата, или сумма не сойдётся, / Он в тех краях двойной кредит возьмёт, / Как будто клад намочет из колодца».

Для Фабриканта вопрос национальной самоидентификации (кто мы? откуда?) чрезвычайно важен: «Еврею главное веселье – погрузить / и в стену плача упереться лбом, / и, помня Бога, думать о былом, /

еврей о будущем не помнит. Чья вина, / что на пути еврея всюду ждёт стена, / и яма плача сорванной землёй, / как содранною кожей, / покрыть не может детской плоти божьей». Сквозное понятие для лирики Фабриканта – «внутренние моря»: «У внутренних морей есть свой язык, / он эхо павших с берега созвучий, / обкатанных волной, как небом тучи, / положенный на ветер детский крик». А ещё его стихи – о «крыльях напрокат». В сущности, вся наша земная жизнь – это «крылья напрокат». И нам хочется, чтобы это были настоящие и долговечные крылья.